

Барбизон

✧
В ОТЕЛЕ
ТОЛЬКО
ДЕВУШКИ

✧
«Стильная,
очаровательная
история уникального
отеля... Он позволял
женщинам выжить
без замужества
и ежевечерней
готовки».

*Стейси Шифф,
призер
Пулитцеровской
премии*

ПАУЛИНА БРЕН

Паулина Брен Барбизон. В отеле только девушки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69247834

Барбизон. В отеле только девушки / П. Брен ; [пер. с англ. А. И.

Логиновой] ; РИПОЛ классик ; Москва ; 2023

ISBN 978-5-386-14741-9

Аннотация

В «ревущие двадцатые» появилось здание для новых женщин, которые хотели того, что уже было у мужчин, – жизнь в мегаполисе, свою комнату с услугами горничной, тренажерными залами и частными ресторанами на этаже. Они готовы покорить Нью-Йорк!

Эта книга – история одного здания – «кукольного дома». Здесь жили Сильвия Плат, Джоан Дидион, Рита Хейворт, Молли Браун, Грейс Келли, Лайза Миннелли и очень много других чудесных певиц, писательниц, художниц, актрис, редакторов и моделей. Но до того как прославиться, все они, совсем молодые, приезжали в отель «Барби-зон» с чемоданом, рекомендательными письмами и надеждами.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	7
Глава 1	20
Конец ознакомительного фрагмента.	53

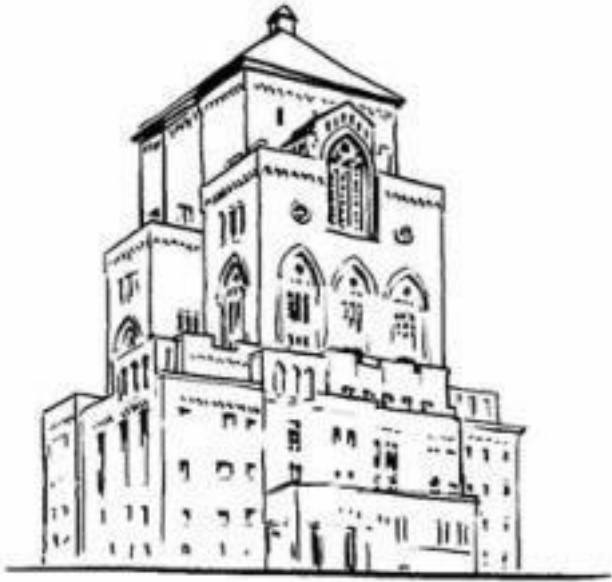
Паулина Брен
Барбизон. В отеле
ТОЛЬКО ДЕВУШКИ

PAULINA BREN

The Barbizon

THE HOTEL THAT SET WOMEN FREE

Перевод с английского А. И. Логиновой

© Copyright © by Paulina Bren, 2021

First Published in the United States in 2021 by Simon and Schuster

Translation rights arranged by The Van Lear Agency LLC and MacKenzie Wolf All rights reserved.

РИПОЛ
КЛАССИК

© Логинова А. И., перевод на русский язык, 2022

© Горнов А., иллюстрации, обложка, 2022

© Издание. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2023

Введение

Кем же была она, постоялица знаменитого нью-йоркского отеля «Барбизон»? Она могла прибыть откуда угодно: как из провинциальной одноэтажной Америки, так и с той стороны моста Джорджа Вашингтона; но чаще всего подъезжала к дверям отеля на желтом, с шашечками, такси – оттого что еще не умела пользоваться метро. В руках – бумажка с адресом, который она прилежно зачитывала таксисту: «Отель „Барбизон“, Восточная 63-я улица, дом сто сорок». Но, скорее всего, таксист догадывался, куда ее везти, прежде чем она начинала диктовать. Может, заметив, как робко она садится в машину, как крепко сжимает ручку чемодана коричневой кожи, а может, увидев, что впервые оказавшаяся на Манхэттене иногородняя девушка одета в свое лучшее платье.

К тому времени бумажка с адресом успевала помяться и изрядно истрепаться в автобусе, поезде, а то и самолете – если ее владелице повезло, она была при деньгах, либо если, подобно Сильвии Плат или Джоан Дидион, она выиграла литературный конкурс журнала «Мадемуазель». То волнение, что охватывало молодую женщину в миг, когда она открывала парадную дверь отеля, невозможно было испытать больше никогда – слишком многое оно значило: побег из родного городка и от того, что могло (или не могло) ее там ожидать.

Это случалось спустя много месяцев, в которые ей пришлось копить, упрашивать, во всем себе отказывать и долго, тщательно строить планы. И вот она в Нью-Йорке, готовая навсегда измениться и начать новую жизнь. Ее судьба – в ее руках.

Долгие годы журнальная реклама отеля восклицала: «О, как хорошо жить в Нью-Йорке!.. Особенно в отеле „Барбизон“ для женщин». Слоган цепкий и одновременно ободряющий: «Единственная в своем роде гостиница только для молодых женщин!» Но статьи еще и предупреждали: по Нью-Йорку рыщут хищные волки-мужчины в поисках хороших и неискушенных, а отель «Барбизон» послужит одновременно пристанищем и укрытием. Однако не только поэтому девушки всей Америки стремились остановиться именно там. Было общеизвестно, что в отеле во множестве обитали подающие надежды актрисы, модели, певицы, художницы и писательницы – и даже известные! Когда Рита Хейворт дерзко и сексапильно позировала для журнала «Лайф» в гимнастическом зале отеля, она всем своим видом показывала: у тебя множество возможностей.

Правда, каждая вновь прибывшая должна была сперва предстать перед госпожой Мэй Сибли, помощницей управляющего, ястребиным взором смотревшей со стойки регистрации. Новенькой требовалось иметь презентабельную (а лучше – привлекательную) наружность, и, в зависимости от моральных и прочих качеств, ей присваивалась та или иная

буква. Про себя госпожа Сибли определяла, какая именно: А, В или С.

Литера «А» чаще всего присваивалась девушкам моложе двадцати восьми, «В» – тем, кому было от двадцати восьми до тридцати восьми, а «С»... ну, эти уже мало куда годились

Чаще всего приезжей девушке, носившей на лице беспокойную улыбку, а на голове – ту же шляпку, в которой она ходила в воскресную школу, присваивалась «А». Первое препятствие, однако, преодолевалось легко. Получившим одобрение госпожи Сибли выдавался ключ от номера и список того, что можно и нельзя, после чего новоиспеченная постоялица отеля «Барбизон» поднималась на лифте на этаж, в комнату, свой новый дом, где ни в коем случае не дозволялось принимать мужчин. Там она раздумывала, что делать дальше. Одним о такой комнате прежде доводилось только мечтать, другие видели и получше. Но для каждой молодой постоялицы «Барбизона» узкая кровать, комод, кресло, торшер и небольшой письменный стол в крошечной комнатке, покрывало с цветочным узором на кровати и занавески с таким же рисунком были неким символом освобождения. Во всяком случае, поначалу.

* * *

«Барбизон» – это история самого известного нью-йорк-

ского отеля для женщин, от своей постройки в 1927 году до постепенного превращения в жилой дом для мультимиллионеров в 2007-м. В этой истории запечатлены судьбы выдающихся женщин, которые в нем жили, хроника Манхэттена двадцатого столетия и былых женских устремлений и чаяний. Отель построили в «ревущих двадцатых» для многих и многих женщин, решивших в одночасье сорваться в Нью-Йорк работать в сверкающем небоскребе. Они больше не желали останавливаться в неудобных меблированных комнатах; им требовалось то же, что давно было у мужчин: изысканный отель с постоянными апартаментами и недельной оплатой, ежедневными услугами горничных и гостиничным рестораном, избавлявшим от кухонных хлопот.

В 1920-е появлялись и другие отели для женщин, но именно «Барбизон» взбудоражил умы американок. Он продержался дольше, чем большинство остальных, – отчасти потому, что ассоциировался с молодыми женщинами, а позже, в пятидесятые годы – с красивыми и желанными молодыми женщинами. Мужчинам строго запрещалось входить туда: лишь по выходным на вечеринки, называемые «Аллея влюбленных» – и то не дальше вестибюля; парочки прятались в тени, укрываясь в листве комнатных растений, горшки с которыми были расставлены в стратегических местах. Писатель-затворник Джером Сэлинджер, даже не будучи волком, частенько сживал в кофейне отеля «Барбизон», притворяясь канадским хоккеистом. И другие мужчины, стоило им

пересечь Лексингтон-авеню в районе 63-й улицы, так уставали, что срочно нуждались в отдыхе, и вестибюль «Барбизона» казался им идеальным местом. Некоторые – например Малахий Маккорт, брат автора «Праха Анджелы»¹, – хвастались, что им удалось проникнуть в тщательно охраняемые спальни; а кто-то потерпел неудачу, попытавшись выдать себя за сантехника или гинеколога, вызванного на дом, – эти попытки забавляли (и сердили) госпожу Сибли.

Один только список постоялиц «Барбизона» чего стоит.

Пережившая крушение «Титаника» Молли Браун; актрисы Грейс Келли, Типпи Хедрен, Лайза Миннелли, Эли Макгроу, Кэндис Берген, Филисия Рашад, Жаклин Смит и Сибил Шепард; писательницы Сильвия Плат, Джоан Дидион, Диана Джонсон, Гейл Грин, Энн Битти, Мона Симпсон и Мег Вулицер; дизайнер Бетси Джонсон; журналистки Пегги Нунан и Линн Шерр и многие другие.

Но до того, как прославиться, они, совсем молодые, приезжали в отель «Барбизон» с чемоданом, рекомендательными письмами и надеждами. Кому-то удалось осуществить свою мечту, многим – нет. Одни уезжали обратно домой, другие запирались в своих комнатках в отеле и разбирались, что пошло не так. Каждая надеялась, что это временное при-

---

¹ Фрэнсис Маккорт (1930–2009) – американский писатель ирландского происхождения. В 1997 году стал лауреатом Пулитцеровской премии за книгу «Праха Анджелы» – мемуары автора о жизни в Бруклине и в Ирландии, – экранизированной в 1999 году. – *Здесь и далее прим, ред., если не указано иное.*

станции, мягкая посадка, и вот-вот героиня сделает себе имя, воплотит в жизнь свои мечты и устремления. Но год за годом многие опять возвращались. Эти задержавшиеся, известные более юным постоялицам как «Те Женщины», наглядно демонстрировали: вот что будет, если ты не постарайся и не вырвешься отсюда.

В семидесятые годы двадцатого столетия, когда Манхэттен из шикарного и модного постепенно превращался в ветхий и устаревший, «Те Женщины» регулярно собирались в вестибюле и обсуждали молодых жиличек, а то и позволяли себе непрошеные замечания касательно длины их юбок и аккуратности причесок. А уж в восьмидесятые, когда возможности поддерживать прежний имидж «тихой гавани для женщин» не стало, а руководство отеля позволило заселяться мужчинам, у этих дам и подавно появились поводы для критики. Однако, несмотря на угрозы покинуть жилье, «Те Женщины» остались. Когда Манхэттен вернул себе былую привлекательность на рынке недвижимости и «Барбизон» подвергся последним переделкам, став из отеля элитным жилым домом, для них выделили целый отремонтированный этаж, где и поныне живут немногие оставшиеся – теперь по адресу «Барбизон, дробь шестьдесят три». Из почтового ящика по соседству с собственными ящиками забирает свою корреспонденцию еще один нынешний жилец – британский актер и комик Рикки Джервейс².

---

² Рикки Джервейс (р. 1961) – британский комик, актер, режиссер, продюсер,

С 1928 года, когда отель «Барбизон» открыл свои двери для женщин, не требовалось уточнять, что он предназначался конкретно для белых женщин из средних и высших слоев общества: это ясно давали понять адрес (Верхний Ист-Сайд), портрет типичной постоялицы с рекламных плакатов и требуемый тип рекомендательных писем. Но в 1956 году в отеле поселилась студентка университета Темпл, талантливая художница Барбара Чейз. Вероятнее всего, она стала первой афроамериканкой среди постоялиц отеля. Тогда ничего из ряда вон не случилось: в ее защиту говорили не только привлекательная внешность и творческие достижения, но и журнал «Мадемуазель». Главный редактор журнала, Бетси Талбот Блэкуэлл, влиятельная фигура в нью-йоркском издательском мире, устроила Барбаре в июне как одной из победительниц литературного конкурса месячную поездку в Нью-Йорк для стажировки в качестве приглашенного редактора. Уверенности в том, что администрация «Барбизона» разрешит ей поселиться в отеле, не было. Но это случилось – пусть ей и не стали сообщать, что на цокольном этаже есть бассейн. В редакции журнала «Мадемуазель» на Мэдисон-авеню, когда клиенты из южных штатов приехали встретиться с победительницами конкурса, Бетси Талбот Блэкуэлл предусмотрительно увела Барбару из кабинета.

писатель и музыкант. Особенно известен по главной роли в британском сериале «Офис» (сериал получил премию «Золотой глобус»). Владеет апартаментами в здании бывш. отеля «Барбизон».

«Барбизон» и «Мадемуазель» во многих смыслах существовали в симбиозе: и тот и другой были рассчитаны на определенную женскую аудиторию, шли в авангарде (порой выступая весьма радикально) социальных перемен – лишь для того, чтобы те самые женщины, для которых они работали, сами стали в первых рядах, поменяв свои интересы и устремления. А значит, невозможно рассказать историю «Барбизона», не пройдясь коридорами редакции журнала «Мадемуазель». В 1944 году Бетси Талбот Блэкуэлл решила: победительницы литературного конкурса, которые будут проводить июнь на Манхэттене – днем проходя стажировку под руководством редакторов журнала, а по вечерам, не отказывая себе в удовольствиях посещать званые ужины, блестящие вечеринки и пить коктейли в изысканном обществе, – должны останавливаться именно в «Барбизоне». Конкурс привлек лучших из лучших студенток и открыл двери «Барбизона» для Джоан Дидион, Мег Вулицер, Бетси Джонсон и им подобных. Но именно Сильвия Плат, самая известная из «приглашенных редакторов месяца», и обеспечила «Барбизону» дурную славу. Спустя десять лет после пребывания в отеле и незадолго до последней, успешной, попытки самоубийства, она выдаст мрачные тайны отеля в своей знаменитой книге «Под стеклянным куполом», где он выведен под названием «Амазон».

Умненькие «приглашенные редакторы», победительницы конкурса журнала «Мадемуазель», жили в отеле рядом с уче-

ницами культовых курсов секретарей Кэтрин Гиббс: они занимали три этажа отеля; у них были собственные коменданты, строгий распорядок и отдельные чаепития. Молодые женщины в белых перчатках и ладно сидящих шляпках, какие предполагалось носить «идеальным секретарям», олицетворяли новые возможности для девушки из провинции, которая не сможет попасть в Нью-Йорк благодаря таланту танцовщицы, актрисы или певицы, но вполне способна проложить себе дорогу к шику и блеску Мэдисон-авеню при помощи пишущей машинки. Однако именно присутствие моделей закрепило за отелем репутацию «кукольного домика». Красивые обитательницы отеля в основном работали в агентстве «Пауэрс», а потом по большей части перекочевали в агентство «Форд», которым заправляли две смелые женщины и которое располагалось в безвкусном особняке из песчаника. Но за стенами обиталища сердеедок на каблуках-рюмочках разочарований тоже хватало. Писательница Гейл Грин вернулась в «Барбизон» спустя два года после первого приезда в качестве приглашенного редактора вместе с Джоан Дидион, чтобы на этот раз написать о тех, кто не считался «куколкой»: она называла постоялиц, на которых мужчины не обращали внимания, «одинокими женщинами». Некоторые были настолько одиноки, что совершали самоубийство; часто это случалось воскресным утром, потому что, как заметила одна из таких женщин, «субботний вечер для свиданий... или нет». И воскресенье станови-

лось днем печали. Администрация отеля – госпожа Сибли и управляющий, Хью Дж. Коннор, – следила за тем, чтобы об этих самоубийствах реже упоминали в прессе. Они знали, что имидж – прежде всего: пусть лучше пишут о самой шикарной постоялице отеля, актрисе Грейс Келли.

* * *

К тому времени, когда «Барбизон» открыл свои двери и для мужчин, изначальный замысел, с которым он был построен, казался порядком устаревшим. Идея была примерно такой: женщины живут среди женщин, чтобы никто не мешал им воплотить свои мечты, как великие, так и скромные, например не убирать и не готовить самой (в каждой комнате ежедневно убирала горничная, кухни для жилищек в отеле попросту не было). Так почему же я жалею, что такого места не существовало, когда я приехала в Нью-Йорк после колледжа? И отчего пространства «только для женщин», где поддерживают женские амбиции, теперь возникают в таком количестве? Женщины приезжали в «Барбизон» не для того, чтобы взаимодействовать друг с другом, но они в любом случае это делали. Помогали друг другу найти работу, обсуждали проблемы, радовались успехам и утешали тех, кому не так повезло с трудоустройством или личной жизнью. Само то, что они жили в «Барбизоне», придавало им сил. Актриса Эли Макгроу, жившая в отеле летом 1958 года, вспоми-

нает, как, держа в ладонях синий с белым бумажный стаканчик утреннего кофе по-турецки, чувствовала, что она «уже куда-то движется», всего лишь поселившись там [1]³.

Книга «Барбизон» целиком рассказывает историю, которая прежде была известна лишь обрывочно. Приступая к рассказу об этом единственном в своем роде отеле для замечательных женщин, я даже не представляла, сколь кие пытались сделать это до меня – и оставляли попытки. В архиве Нью-Йоркского исторического общества, где я рассчитывала найти целую стопку документов, обнаружилась лишь тоненькая папка, а в ней – несколько газетных вырезок. К тому же нашлось слишком мало источников информации о тех, кто просто жил в отеле «Барбизон», не будучи ни представительницей высших слоев общества или известным литератором, ни кем-то из профсоюзных активисток из рабочего класса; просто женщин, сказала бы я. Разумеется, отсутствие информации тоже кое о чем повествует: а именно о том, как легко забывается жизнь женщины и как просто из недостатка информации сделать вывод о том, что женщины не участвовали в повседневной жизни двадцатого столетия.

Но они участвовали – и еще как! – и имели творческие и карьерные стремления. Я узнала это, когда стали находиться скрытые истории «Барбизона», – как историк, как интервьюер и даже как интернет-следопыт. Я нашла бывших по-

---

³ Этим знаком помечены в тексте примечания автора, расположенные в конце издания, на с. 333–377.

стоялиц, ныне живых, остроумных и здравомыслящих дам в возрасте от восьмидесяти до девяноста лет. Отыскала блокноты, письма, фотографии. Даже целый архив в штате Вайоминг! Все это поведало мне историю незамужней женщины определенного склада, рассказало о том, что для нее значило иметь собственную комнату, где она могла вздохнуть свободно, стряхнув с себя ношу ожиданий своих родных. В Нью-Йорке, городе, где сбываются мечты. «Отель „Барбизон“» – о том, как создать самое себя; и ничего, подобного ему, не существовало прежде и не появлялось после.

Mamma Topayn

Monsieur

Глава 1

Как строили «Барбизон»

«Непотопляемая» Молли Браун против флэпперов

В последнем десятилетии XIX века появилась Новая женщина. Она больше не желала быть только дочерью, матерью и женой. Ей не сиделось в четырех стенах, ей хотелось независимости и не терпелось избавиться от того, что отягощало. Частенько ее можно было встретить на велосипеде, в широких брюках-блументах и надуваемой ветрами блузке – она ехала куда-нибудь.

«Новыми женщинами» писатель Генри Джеймс окрестил

богатых американок, приезжающих в Европу за независимостью и свободой от ожидавших дома ограничений. Но выражение приобрело популярность и дополнительный смысл: быть «новой женщиной» значило «жить своей жизнью».

Сначала появилась «девушка Гибсона»⁴, своего рода младшая сестренка «новой женщины»: из средних и высших слоев общества, с развевающимися волосами, с соблазнительными округлостями в нужных местах, но на талии затянутая корсетом «лебединый клюв», из-за чего ей приходилось подаваться слегка вперед, точно она была всегда в движении и вот-вот сорвется с места. Потом – Первая мировая, избирательное право для женщин, «ревущие двадцатые» – и «девушки Гибсона» уступили дорогу еще более дерзкой версии себя – «флэпперам»⁵. Младшие сестры гибсоновских дев презрели корсеты, курили, пили алкоголь, флиртовали – и не только! Хихиканье, бьющая через край энергия и бесстыдно открытые лодыжки. Но флэпперы заявили всем, кто хотел слышать – да и тем, кто не хотел, – что новая женщина стала более демократичной. Бросить вызов общественным устоям захотели не только те, кто мог себе это позволить. Женщины – все без исключения – осмелились выйти в большой мир. Война и избирательное право пробили брешь в

---

⁴ «Девушка Гибсона» – идеализированный образ девушки, созданный художником Чарльзом Дана Гибсоном в начале XX века. Считается первым американским стандартом женской красоты – высокая, худая, с большой грудью и широкими бедрами, с объемной прической, модно одетая.

⁵ Доел, с англ. *flap* — «хлопушка, хлопать» (напр., крыльями).

некогда железных аргументах в защиту того, зачем ей нужно сидеть дома. И пусть мир привыкает. Вот что царило в воздухе, когда в 1927 году закончилось строительство отеля-резиденции «Барбизон».

Одной из первых постоялиц стала «непотопляемая» Молли Браун, известная тем, что пережила крушение «Титаника». Женщина, которой достало сил не опустить весла, когда мужчины сдались, сидела в своем номере отеля «Барбизон» за маленьким письменным столом, держа в руке перо. Шел 1931 год: Молли Браун (полное имя которой – Маргарет Тобин Браун) было уже шестьдесят три. Бывшая красавица, а теперь располневшая и грубоватая, она одевалась ярко, эксцентрично и даже слегка комично. Но Молли Браун было все равно, что о ней скажут: будучи из первого поколения «новых женщин», она успела водрузить собственный флаг на землях новой эры.

Отложив письмо в Денвер, она выглянула из окна «Барбизона» в бледное февральское небо. И вспомнила о том, что такое же небо видела той ночью, когда «Титаник» стал крениться – куда быстрее, чем она могла себе представить. Это произошло в 1912 году – до Первой мировой оставалось еще два года; казалось, что с тех пор, как Молли Браун присоединилась к своим друзьям из знаменитого семейства Астор в путешествии по Египту и Северной Африке, прошла целая вечность. Ее дочь, студентка парижской Сорбонны, встрети-лась с ней в Каире: есть традиционное фото «на память» на

верблюдах, в тяжелых платьях эдвардианской эпохи, а сзади маячат Сфинкс и пирамиды. Молли с дочерью вернулись в Париж, но, получив известие о болезни внука, женщина быстренько забронировала каюту на том же корабле, что и Асторы. Он назывался «Титаник».

Шли шестые сутки пути. Молли прекрасно поужинала и с комфортом читала в каюте первого класса, когда вдруг услышала грохот. От толчка она упала с койки, но, будучи опытной путешественницей, не придала этому особенного значения, пусть и заметила, что паровые машины заглохли. Лишь когда Джеймс Макгау, заведующий отделом универмага «Джимбелс» в Филадельфии, с мрачным видом сунулся в окно каюты, размахивая руками и крича: «Надевайте спасательные жилеты!», она, основательно утепившись, вышла [1]. Несмотря на призывы, на палубе Молли встретили совершенно не стремящиеся в спасательные шлюпки люди с выпученными от ужаса глазами. Она умоляла пассажиров первого класса садиться в шлюпки до тех пор, пока кто-то из экипажа довольно бесцеремонно не усадил ее саму. В момент отплытия слышались выстрелы: это помощники капитана стреляли по пассажирам с нижней палубы, в отчаянии пытавшимся забраться в шлюпки, предназначенные для богатых пассажиров и уходившие полупустыми.

В темноте, пока спасательная шлюпка номер шесть барахталась в волнах, Молли с ужасом наблюдала за происходящим. Те, кто сидел рядом, оплакивали близких, оставших-

ся на борту, когда вода поглотила «Титаник», и вскоре он совсем исчез под водой. Крики раздавались, даже когда все остальное стихло. Стояла ночь, угольно чернели морские воды, и то, что два джентльмена из числа пассажиров абсолютно ни на что не годились, добавляло безнадежности. Раздосадованная Молли взяла управление шлюпкой в свои руки. Давала указания гребцам и снимала часть теплых вещей, чтобы поделиться с теми, кто не сообразил утеплиться. К утру шлюпку подобрал пароход «Карпатия», и ко времени, когда Молли в числе спасшихся прибыла в гавань Нью-Йорка, она, неудержимая активистка, уже организовала Комитет помощи пострадавшим и собрала сто тысяч долларов нуждающимся. И написала денверскому стряпчему: «Вода была чудесная, плавание превосходным. Нептун был особенно добр ко мне, и я благополучно добралась до суши» [2]. К ее другу, Джону Джейкобу Астору IV, бог морей оказался менее благосклонен: богатейший пассажир «Титаника» числился погибшим.

Прошло почти двадцать лет, и вот «непотопляемая» Молли Браун поселилась в комнате отеля «Барбизон», и если ночное небо изменилось мало, то мир вокруг стал совсем другим. Первая мировая война запустила механизм множества перемен, но для самой Молли едва ли не таким же важным стал развод с мужем, Дж. Дж. Брауном. Им было не по пути: он – дамский угодник, она – активистка. Она защищала права женщин, детей и рабочих задолго до того, как

это стало модным. Дж. Дж. Браун, по происхождению ирландец, в одночасье разбогател, напав на золотую жилу; вместе с Молли они, выбравшись из бедности, заняли место в высшем денверском обществе. После развода и вплоть до смерти Джеймса Брауна в 1922 году – он не оставил завещания, и судебные препирательства длились долгих пять лет – от Молли отвернулись все: и высшее общество Денвера, и собственные дети. Но случившееся лишь заново зажгло ее желанием играть на сцене. Влюбленная в знаменитую французскую актрису Сару Бернар, Молли Браун переехала в Париж изучать драматическое искусство: она выходила на сцену в «Венецианском купце» и «Антонии и Клеопатре». У нее был острый ум и огненный темперамент, какие особенно ценились здесь – пусть даже в женщине шестидесяти лет, – и скоро ее окрестили «некоронованной королевой интеллектуального Парижа» [3].

Какие бы легенды ни ходили о Молли Браун, одно в ней не оставляет сомнений: сила характера. Как-то она писала о себе:

«Я – дочь приключений. То есть мне ни разу не приходилось скучать и я была готова к любым неожиданностям. Со мной могло стать что угодно и когда угодно: сяду на самолет – он упадет, сяду в автомобиль – въеду в столб, выйду прогуляться в сумерках – вернусь в карете скорой помощи, в бинтах с ног до головы. Так встали звезды, как сказали бы астрологи. Что и хорошо, если ты хочешь, чтобы твоя

жизнь была на виду, а не в тени» [4].

Молли Браун была не из флэпперов, пусть даже, будь она моложе, тяга к приключениям их роднила бы. Но моложе уже не стать, и флэпперы, девушки эпохи джаза, скорее раздражали: сексуальная раскрепощенность, определяющая их черта, досталась поколению Молли Браун немалой кровью. Тем не менее, вернувшись из Парижа, она решила поселиться именно здесь, в «Барбизоне» – по соседству с девушками, которых публично осуждала, но чей неукротимый дух вполне могла бы понять. Она захотела остановиться тут потому, что желала испытать «другую себя» – а где этим можно заняться, как не в «Барбизоне»?

Молли ужасно понравилось, как ее разместили. В письмо в Денвер она вложила исчерканную и испещренную пометками брошюру с описанием отеля, чтобы стало понятно, как выглядит ее новая нью-йоркская жизнь.

«Тут радио в каждой комнате!» – писала Молли Браун.

Вот округлый силуэт среди густого чернильного неба – северо-западная башенка с заложенной кирпичом террасой, окнами на угол Лексингтон-авеню и 63-й улицы. Внутри, в ее многокомнатном номере – одном из лучших в отеле, но таком же скромном, как и стандартные, – находились узенькая кровать, небольшой письменный стол, комод и крошечное кресло. Можно было, не вставая с кровати, открыть и закрыть дверь, а также порыться в комодке. Пусть и простенькая, но это была ее «мастерская», как писала Молли в том

самом письме денверским друзьям, «до потолка заваленная всяким добром» [5].

А повыше номера, на двадцать девятом этаже, было еще одно окно в готическом стиле, у которого она ходила кругами в барбизонской «башне Рапунцель», где во множестве размещались мастерские многообещающих молодых художниц: в этой комнате со звуконепроницаемыми стенами и высоченными потолками Молли часами упражнялась, распевая арии. Актный зал, поясняла она, нужен для того, чтобы проживающие в отеле актрисы и певицы, нынешние и будущие, давали концерты. В оформленных в итальянском стиле вестибюле и бельэтаже отеля Молли играла в карты с подругами. В библиотеке со стенами, обшитыми дубовыми панелями, собирался ее книжный клуб. (Вероятнее всего, она приходила на собрания литературной группы «Пегас», созданной с целью «поощрения достижений мысли путем предоставления авторам возможности продемонстрировать свои сочинения перед публикой и обсудить в атмосфере здоровой, честной и конструктивной критики» [6].) Мужчинам – всем, кроме лицензированных врачей, сантехников и электриков, записанных в журнале посещений, – строго запрещалось присутствие где-либо, кроме вестибюля и общей залы на восемнадцатом этаже, для чего нужно было получить пропуск, явившись в сопровождении своей дамы.

Парадный вход клуб-отеля располагался на 63-й улице [7]; в магазины на первом этаже, числом восемь, можно было

войти со стороны Лексингтон-авеню: там были химчистка, парикмахерская, аптека, магазин чулок и белья и книжный магазин «Даблдей». Все необходимое для женщины определенного толка. Также туда можно было попасть прямо из отеля, через небольшой коридор, так что если постоялица не желала соваться на улицу, этого и не требовалось. Отель открылся всего три года назад, в самый пик преобразования Нью-Йорка. Строительный бум был в разгаре; старое целенаправленно сносилось, на его месте возводилось новое. По мнению общественности, Манхэттен годами застраивался бессистемно, бессмысленно и хаотично, но навести порядок еще было можно. Принадлежащее прошлым столетиям будет стерто с лица земли, уступив место новому, целеустремленному, механизированному двадцатому веку; многоквартирные доходные дома и низенькие строения должны смениться хорошо спланированными башнями в силуэтах ар-деко.

Архитектура двадцатого столетия была такой же новой, как женщина, освободившаяся от прежнего гнета. Критики Нью-Йорка девятнадцатого столетия порицали «коричневый кожух, укрывший Манхэттен», оставивший след в виде моря монотонных красновато-коричневых домов [8]. Сегодня они воспринимаются как дорогие старинные и причудливые особняки из песчаника, а тогда считалось, что они уродуют лицо города. Те, кто занимался планированием, подчеркивали, что, раз уж радости и вспышек цвета времен гол-

ландского Нового Амстердама с его «красными черепичными крышами, ковровыми узорами кирпичных фасадов и выкрашенными в яркие цвета деревянными деталями» не вернуть, можно придумать архитектуру нового века и его олицетворение: небоскреб.

Посреди строительного бума, в 1926 году, синагога конгрегации Родеф Шолом продала свое здание и землю на Лексингтон-авеню и 33-й улице Манхэттена за восемьсот тысяч долларов [9]. Одна из старейших еврейских общин Соединенных Штатов переезжала в Вест-Сайд, оставив место для будущего первого отеля-резиденции для женщин. Синагога простояла пятьдесят пять лет; она появилась, когда еврейские иммигранты переехали из многоквартирных домов в центре Ист-Сайда в новенькие дома Среднего Манхэттена и жилой части Вест-Сайда. И снова она перебиралась вслед за прихожанами из этого района, застраивавшегося особенно быстро после того, как в 1918-м ветку метро Лексингтон-авеню продлили от Центрального вокзала на 42-й улице до 125-й улицы. Для прощания с Ист-Сайдом после полувекового пребывания в синагоге на импровизированную сцену позвали старейших прихожан: миссис Натан Букмен, девяноста трех лет, и Айседор Фос, девяноста одного года [ТО]. Они ходили в эту синагогу со времен своей бат-мицвы в тринадцать лет; восседая на сцене и взирая сверху вниз на собрание добропорядочных ньюйоркцев, вспоминая родителей, бабок и дедов, немецких евреев-иммигрантов Ист-Сай-

да, они прощались с девятнадцатым столетием. Отель «Барбизон» же собирался здороваться с веком двадцатым.

Когда-то на пересечении Лексингтон-авеню и 63-й улицы потребовалось построить синагогу Родеф Шолом, теперь же она уступала место в ответ на новую потребность. Первая мировая война освободила женщин, а после принятия в 1920 году Девятнадцатой поправки они оказались на пути получения всех гражданских прав; одновременно с этим произошло нечто не менее важное: работающих женщин стало видно, с ними стали считаться. Как никогда много женщин подавали документы в колледж, и, хотя замужество продолжало оставаться главной целью, служба в конторе сочетала прелести флэпперского житья (за покупками в «Блуминг-дейл»! На ужин в «Дельмонико»!) с достойной подготовкой к замужней жизни. Работа в конторе считалась успешным стартом для юношей, но с тех пор, как женщины устремились в офисы, расположенные в новеньких сверкающих небоскребах, растущих по всему Манхэттену, секретарская должность перестала быть началом большой карьеры. Теперь она стала рассматриваться как возможность отточить мастерство «жены-секретаря», получая при этом жалованье и наслаждаясь кратким периодом независимости до замужества. Секретарши нового столетия «настолько заменяли боссам исчезающий типаж, к какому принадлежали их матери, насколько это вообще было возможно» [11], писал журнал «Форчун». Они печатали на машинке письма босса,

проверяли остаток-сальдо чековой книжки, сопровождали к зубному врачу дочерей начальника и, если ему требовалось поднять самооценку, подбадривали беседой.

Но кое-что новые женщины получили взамен: публично признанное право жить самостоятельно, выражать собственную сексуальность (до известного предела), покупать себе самой то, что захочется, наслаждаться всеми прелестями жизни в большом городе и посещать общественные места на своих условиях. И чтобы это все делать, им нужно было где-то жить. Старый добрый женский пансион [12] – ранее доступная незамужним женщинам возможность жить и работать в Нью-Йорке – отныне считался пережитком прошлого и, как объявила газета «Нью-Йорк Таймс», ассоциировался с «кушетками, набитыми конским волосом» и «вечным запахом тушеной говядины». А еще – с рабочим классом, тогда как новая порода работающих женщин происходила из семей высшего и среднего класса и хотела что-то получше. Не собирались они мириться и со строгими правилами общежития или высокомерной филантропией (доброжелательным, но весьма унижительным мотивом создания многих и многих пансионов для вдов, работающих и нуждающихся женщин). И адрес играл роль – причем немалую!

Но даже если бы они и смотрели сквозь пальцы на колючие матрасы, жесткую говядину и более чем спартанские условия, пансионов едва ли хватило бы на всех: молодых женщин, стекавшихся в большой город, становилось все

больше. И решение нашлось: они будут жить в отелях-небоскребах.

Жилые отели для людей семейных и одиноких стали входить в моду в конце 1800-х. «Строить беломраморные замки уже не модно, сколько бы денег у тебя ни было, – писал в те времена один публицист. – Нет, все живут в отелях» [13]. Условия в них разнились: от роскошных многокомнатных номеров для противоестественно богатых представителей «позолоченного века» до весьма скромных и практичных – для работающих и неженатых людей. Над тем, чтобы в доме-отеле было уютно, много и скрупулезно работали. В менее роскошном жилье ставилась специально сделанная мебель габаритами меньше стандартных, что позволяло помещать ее в небольшие комнаты и отчего номера казались больше, чем на самом деле. Односпальная кровать лишилась изножья, а изголовье стало ниже, что и создавало иллюзию пространства. В тех же целях углы на мебели слегка скругляли. В отелях подороже номера обставлялись не-дешевыми копиями мебели XVIII столетия; не были редкостью и каминны. Когда строился «Уолдорф-Астория»⁶, в ангаре рядом со стройкой создавались макеты номеров и коридоров, чтобы можно было тщательно подобрать и примерить все, вплоть до цвета стен и водопроводных кранов, не говоря уже

---

⁶ «Уолдорф-Астория» – многоэтажная гостиница на Манхэттене в Нью-Йорке (Парк-авеню, 301) в стиле ар-деко; архитекторы Шульце и Уивер. На момент постройки (1931) – самое высокое здание в мире, 47 этажей.

о коврах, занавесках и шкафах для посуды. Миссис Чарльз Сейбис, руководившая внутренней отделкой отеля, одобряла одни номера и браковала другие; как только решение было принято, номер в ангаре демонтировали и оборудовали новый. Для некоторых комнат госпожа Сейбис использовала деревянные панели, спасенные из особняка в Йоркшире, попутно размышляя над извечным вопросом «а подойдет ли расписная ширма или ваза династии Мин к интерьеру в духе королевы Анны?» [14] Важно: номера в дорогих отелях-резиденциях не должны были выглядеть похоже. Это вам не какая-нибудь типовая сеть.

Быстрый рост жилых отелей во многом стал возможен благодаря лазейке в законодательстве: закон о многоквартирных домах, принятый в 1901 году, исключил из списка ограничения на число этажей и строгие правила пожарной безопасности для домов с квартирами без кухонь. Несмотря на то что сделано это было из меркантильных соображений, результат неминуемо привлекал: кто бы отказался жить в отеле с полным обслуживанием? Даже те, кто никогда подобного не пробовал, могли представить такую жизнь, сходя в субботу в кино на фильм популярной тогда серии «Худой человек»: Уильям Пауэлл, широко улыбаясь, с коктейлем в руке, нетрезвой походкой перемещается из нелегального бара (сухой закон!) в жилой отель и обратно.

В 1903 году нью-йоркский отельер Симеон Форд емко сформулировал: «Мы строим прекрасные

отели для прекрасных людей, хорошие отели для хороших людей, простые отели для простых людей и даже бросовые отели для отбросов общества. Так что возникновение новой категории постояльцев – женские отели для женщин – было лишь вопросом времени» [15].

«Барбизон» впоследствии станет самым модным, но первым он совершенно точно не был. Первым отелем для женщин стал «Марта Вашингтон»: предпосылки его постройки отличались от «Барбизона», но «Марта» во многом предопределила его появление. Открывшееся в 1903 году основательное двенадцатиэтажное сооружение протянулось на целый квартал вдоль Мэдисон-авеню, от 29-й до 30-й улицы. Надолго опередив время, отель решал проблему размещения незамужних женщин из «белых воротничков» во времена, когда по правилам одинокая постоялица не могла быть заселена в номер после шести вечера, если при ней не имелось тяжеленного саквояжа – доказательства, что она не проститутка. Доходило до неловких ситуаций: две дамы из привилегированного сословия признавались, что им «пришлось переночевать на железнодорожной станции Брод-стрит в Филадельфии оттого, что они не хотели подвергаться риску быть выставленными из отеля» [16]. Еще до Первой мировой войны некоторые женщины ездили в Нью-Йорк в одиночестве по рабочим делам. Наиболее состоятельные и творчески мыслящие искали собственные решения:

к примеру, коммуна художниц привела в порядок конюшню в переулке и приспособила ее для жилья и мастерских [17]. Прочие снимали квартиры в домах, отделявая их изнутри, но никак не выделяя снаружи среди неказистых окрестностей. Таким образом, первый в своем роде отель «Марта Вашингтон» стал убежищем для таких женщин, как и для суфражисток – персон, как доктор Мэри Уолкер, врач и известная феминистка, – любивших бросить вызов строгим правилам в одежде задолго до флэпперов. На собственной свадьбе Мэри отказалась произносить слово «послушание», не брала фамилию мужа и носила короткие юбки, под которые надевала брюки [18].

Несмотря на острую потребность в подобном месте, открытие «Марты Вашингтон» было встречено в лучшем случае всеобщим замешательством. «Наблюдательные автомобили», полные зевак, будто глазающих на шоу уродцев, медленно проезжали мимо [19]. Руководство отеля тоже поначалу не понимало, как действовать. Казалось необходимым нанять мужчин, чтобы таскать тяжести: помните те самые саквояжи? Но через год всех работников отеля сменили на работниц: теперь женщины считались более надежными. Газета «Нью-Йорк Геральд» не преминула съехидничать по поводу такой «перемены пола»: «Посыльная в черном платье с белым воротничком и манжетами смотрелась довольно помпезно» [20]. Более того, идея о таком количестве женщин под одной крышей и без мужской защиты просто не

укладывалась в голове. Один из первых рекламных буклетов «Марты Вашингтон» признавал: часто высказываются сомнения в «целесообразности размещения такого большого – от четырехсот до пятисот – числа женщин под одной крышей» [21]. В то же самое время постоялиц заверяли: отель – предприятие чисто коммерческое и вовсе не является показательной благотворительностью и не преследует филантропических целей, как многие «пансионы» для рабочего класса. Иными словами, отель с проживанием предполагал превосходные условия для независимой жизни (никакой благотворительности!): однокомнатные и многокомнатные номера без ограничений, ранее ассоциировавшихся с пансионом для одиноких женщин (такие заведения частенько содержали религиозные организации) – вроде комендантского часа или запрета приводить гостей. Постоялицы «Марты Вашингтон», вне зависимости от размера номера, могли пользоваться общей комнатой на каждом этаже, прогулочной зоной на крыше, столовой, новомодными паровым отоплением и почтовыми желобами⁷.

Женщины, обычно останавливавшиеся в «Марте Вашингтон» и поначалу служившие объектом насмешек, постепенно оказались на пике актуальной повестки [22]. В 1908 году журнал «Харпере Базар» опубликовал серию статей «Де-

---

⁷ Устройство сбора почты в многоэтажных домах Нью-Йорка, желоб представлял собой почтовый провод с лотками-ящиками на каждом этаже; на первом эти письма собирали и отправляли по адресу.

вушка, которая приехала в город», а три года спустя «Лейдис Хоум» продолжил в том же духе, печатая «Сестренку из провинции, которая хочет пробыть в городе». В 1914 году Америка увидела еще один отель для преуспевающих работающих женщин, получивший подходящее название «Бизнесумэн отель»: располагался он в двух кварталах от «Марты Вашингтон» и в шести – от «Универсального магазина Олтмена» (точно так же, как «Барбизон» построят вблизи «Блумингдейла») [23]. Затем грянула Первая мировая война, и потребность в отелях для женщин стала не столь насущной. Но после окончания военных действий разразился строительный бум, и заново обретенная женщинами независимость означала новую клиентуру и новую прибыль.

Двадцатые годы двадцатого столетия стали временем гостиниц для женщин. Отель «Аллертон» на Восточной 57-й улице рядом с Центральным парком открылся в 1920 году. Построил его Уильям Г. Силк, который позже построит и «Барбизон». Первую холостяцкую квартиру они спроектировали с партнером, Джеймсом С. Кушменом, в 1912 году, а уже в 1919 году приступили к строительству клубных отелей для мужчин [24]. Так что «Аллертон», отель для женщин, стал следующим – очевидным – шагом и связал растущую потребность в жилье определенного толка и послевоенную реальность: женщин, желающих независимости от дома и его хозяина-мужчины. Силк хотел предложить номера «женщинам – врачам, декораторам, лекторам, политикам,

писателям, закупщикам и управляющим магазинами» [25]. (То, что они должны были быть белыми и из привилегированных слоев населения, не требовалось даже произносить вслух.) Силк представлял себе по-домашнему уютную обстановку, отличавшую заведение от обычного отеля: с комнатой для шитья, танцевальным залом, прачечной, где все стиралось «точно в срок», и комнатами для отдыха, куда не пускали мужчин. Гости «Аллертон» могли ни от кого не зависеть. Номера в отеле, рассчитанном на пятьсот постояльцев, были раскуплены еще до его открытия.

Упустить такую потенциальную прибыль было невозможно. Стали появляться подобию; какое-то время самым крупным считался отель Американской женской ассоциации, провозглашенный газетой «Нью-Йорк Таймс» «храмом духа женской независимости» [26]. Мисс Смит, председатель Ассоциации, очень сердилась на любого, кто звал это здание «отелем». Никакой это не отель, говорила она, это «движение». И не ошибалась. Жилые гостиницы для женщин были воплощенным манифестом женского права жить без покровительства отца, брата или дяди, общаться и покупать в свое удовольствие и работать по мере возможностей [27]. В случае отеля Американской женской ассоциации затянувшееся финансирование строительства также привлекло самых состоятельных женщин города, и они смогли попробовать себя в серьезном коммерческом предприятии. Во главе с Энн Морган из знаменитого семейства Морган и при уча-

стии прочих женщин из высшего общества в отеле «Плаза» была устроена ставшая знаменитой кампания по продаже акций; информационные брошюры и визитные карточки раздали целой армии торговцев ценными бумагами. Также женщины запустили полномасштабную рекламную кампанию и придумали для нее талисман – мисс Робинзон Крузо: концепция гласила, что быть незамужней женщиной в Нью-Йорке так же одиноко, как жить на необитаемом острове. У мисс Крузо имелись рекламные буклеты, собственная песенка и целые витрины на Пятой авеню. В этом был свой посыл: отель Американской женской ассоциации станет ей спасением, ведь там она найдет таких же, как она, сестер по духу и стремлениям; а еще – удобство и роскошь. Команда заново собралась несколько лет спустя: теперь в ее распоряжении имелись три с половиной миллиона долларов, собранных на начало строительства. Под шампанское и бутербродики Энн Морган и ее подруги, из светских львиц перевоплотившиеся в бизнес-леди, раздавали тем, кто продал больше всего акций, призы – шубы и броши в форме саламандры [28].

Место для отеля Американской женской ассоциации нашлось на Западной 57-й улице, где работающие женщины могли быть «такими же свободными, как мужчины» [29]. Отель провозглашал женскую независимость весьма недвусмысленно: двадцать восемь жилых этажей, за отделку и внутреннее убранство которых отвечала миссис Уильям К. Вандербильт, еще одна представительница городской эли-

ты, и справилась она отлично. Все было прекрасно: от выложенного «плиткой цвета настурции» бассейна до «четырех фонтанчиков, журчащих мелодичным арпеджио». «Ультрасовременная девушка» могла заказать «кофе и сигареты» в один из тематических номеров. Зеленовато-голубая посуда в расписанной фресками ар-деко столовой была такой же, как в вагонах-ресторанах французских поездов: миссис Вандербильт посчитала, что если уж это стекло выдерживает европейские железные дороги, то нью-йоркских женщин и подавно выдержит. И заказала полные ящики. Помимо мест для еды, питья и курения, отель Американской женской ассоциации предлагал почти 1250 номеров с ваннами, став таким образом пятым по величине отелем с постоянным проживанием в Нью-Йорке.

* * *

Но лишь «Барбизону» удалось по-настоящему захватить внимание Америки. Он стал желанным местом назначения для молодых женщин всей страны, намеренных попытаться счастья в Нью-Йорке. Если «Аллертон» и отель Американской женской ассоциации предназначались женщинам-профессионалам, постоялица «Барбизона» виделась несколько иной. Дебютанткой, которая боится сказать родителям, что хочет стать художницей; продавщицей из Оклахомы, мечтающей о бродвейской сцене; восемнадцатилетней невестой,

обещающей жениху, что она «съездит в Нью-Йорк и быстро назад, вот только выучится печатать на машинке». Отель должен был воплотить совсем другой тип женских желаний: блеск, страсть и девичьи стремления.

Теперь, когда «Аллертон» был почти достроен, Уильям Силк задался целью объединить женственность с новой независимостью; он заявил следующее: подобно тому, как платье современной женщины избавилось от громоздких рюшечек викторианской эпохи, сделавшись предельно простым, так и номера в отеле «Барбизон» должны были отражать «полноту жизни, открывшуюся женскому полу», в то же время не забывая о том, что женщины «ни в коем случае не утратили атрибутов женственности» [30]. Таким по задумке Силка должен был стать «Барбизон»: двадцать три этажа, 720 номеров; снаружи же, пояснял он, отель будет символизировать мужское начало, воплощенное в духе североитальянской школы, со всем, что требуется мужчинам для тренировки тела и духа: бассейн, гимнастический зал, прогулочная зона на крыше, лектории и библиотека. Но внутри, скрытые от мужских глаз, будут женственные будуары в «нежных свежих тонах», в современном французском стиле. Подобно предшественникам, «Барбизон» предполагал постсуффражистский подход к домашнему хозяйству в сочетании с желанием экономных строителей максимально расширить жилое пространство. В результате появились номера, длинные узкие коридоры, перемежавшиеся с общими залами, библиотеками и прачечны-

ми самообслуживания.

Силк пообещал, что «клубный отель „Барбизон“», как он поначалу назывался, «откроется 15 октября 1927 года»; и в самом деле, в сентябре в печати стали появляться объявления: заявки на заселение принимаются с 15 сентября. Среди деталей обстановки упоминался и столь восхитивший Молли Браун радиоприемник в каждом номере. Цена за недельное пребывание начиналась с десяти долларов [31]. Внутренним убранством занимались профессионалы «Маргетройд и Огден»; и «Барбизон», открывшийся несколькими месяцами позже предполагаемого срока, в феврале 1928 года, впечатлял как вблизи, так и издалека: четыре массивные башенки по углам высотного здания, точно постепенно возвышающиеся ступеньки. Кирпич для наружных стен выбрали так, чтобы он передавал цвет и свет: от лососевого до красноватого, с отделкой из натурального известняка. Со вкусом обставленная солнечная терраса, служившая комнатой отдыха, располагалась на западной стороне, на девятнадцатом этаже; номера над ним были зарезервированы для клубов разных колледжей. Прямо под террасой, на восемнадцатом этаже, располагалась лоджия с весьма обширным видом. Сразу после окончания строительства журнал «Архитектурный форум» отметил, что деталями «Барбизон» по большей части напоминает готику, в частности романскую. Большие арочные окна придавали ему вид одновременно романтический и сакральный, начисто избавляя от налета механистичности,

свойственного некоторым небоскрегам. Разгуливая по саду на крыше, под облаками, оглядываясь на анфиладу арок, постоялицы смотрели то в одно, то в другое сводчатое окно: их обустроили под разными углами, снабдили уступами и терракотового цвета балконами. В воображении сразу вставал готический замок и летящие сквозь арочные проемы стрелы его защитников.

Если внешний облик задумывался простым, пусть и не без игривости, вестибюль и бельэтаж вышли скорее «изысканными», «в итальянском духе». Входя в отель, посетитель оказывался в атриуме, устроенном одновременно роскошно и современно. Атриум был вдохновлен итальянским Возрождением и итальянскими же роскошными загородными поместьями [32]. Тщательно подобранные цвета, текстуры и орнаменты, расписные потолки и мозаичные полы, фигурные перила и парапеты, обитая мебель в классическом стиле создавали настоящий эффект погружения. Растения в горшках, люстры и приглушенное освещение двух первых этажей окончательно подкрепляли впечатление, будто ты очутилась во внутреннем дворе роскошной виллы. Трудно сказать, нарочно ли бельэтаж прямо над вестибюлем был сделан так, чтобы молодые постоялицы «Барбизона» выглядывали своих ухажеров или украдкой подсматривали за кавалерами соседок, оценивая их или тайно желая. Но он и впрямь походил на гигантский балкон Джульетты, сверху обрамляя вестибюль массивной каменной кладкой и фигурными лестница-

ми. В северо-западной части бельэтажа две ступеньки вели вниз, в обшитую дубовыми панелями библиотеку; вход в столовую располагался в главной части вестибюля; она была выдержана в неоклассическом английском стиле, предполагавшем скорее уют, нежели помпезность. Как писал «Архитектурный форум», «„Барбизон“, похоже, являет собой вполне убедительное доказательство новой цивилизации» [33]. Форма и содержание объединились.

С самого момента задумки «Барбизон» предполагался пристанищем для творчески одаренных натур.

Само его название призвано было это подчеркнуть: имя «Барбизон» позаимствовали у направления живописи XIX века – «барбизонской школы», названной по имени деревушки Барбизон на юго-востоке от Парижа, окруженной лесом Фонтенбло. Гостиница на узенькой главной – и единственной – улице Рю де Барбизон давала приют голодным художникам [34]. Творцам предлагался полноценный обед, койка и сверток с провизией, чтобы взять с собой на пленэр, – и все это за весьма скромную сумму.

В нью-йоркском отеле «Барбизон» начинающие художницы жили в крыле «четырех искусств», где для них держали сто номеров и мастерские – те самые, где находила убежище и Молли Браун, – на восемнадцатом этаже, в одной из башенок [35]. Самая большая была размером пять на пятнадцать метров, с высоченными двухуровневыми потолками, через

которые проникал свет; там же располагались комнаты для музыканток, меньше размером, но с тщательной звукоизоляцией стен [36]. Но не от всех требовалось иметь талант: достаточно было страстного желания взять то, что может дать Нью-Йорк.

Раз уж «Барбизон» нашел свою нишу – прибежище талантливых начинающих художниц, актрис, музыканток и манекенщиц, то и внутреннее убранство давало молодым женщинам все возможности для самовыражения – в качестве как создателей, так и потребителей искусства. В зоне отдыха на первом этаже, со сценой и органом, могло разместиться триста зрителей [37]. Новый феминизм постсуфражистского толка предписывал в равной мере развивать и ум, и тело, чему служили лектории, библиотека и полноценный большой бассейн «Барбизона». «Девушка Гибсона» из начала двадцатого века, свободная благодаря новому крою блузки и юбки, вполне могла делать утреннюю зарядку или кататься на велосипеде, но флэп-перам 1920-х требовались уже серьезные занятия, и на цокольном этаже отеля располагался целый лабиринт с разными приспособлениями для тренировки. «Нью-Йорк Таймс» с необычайным эротизмом восклицала: «В любое время дня и ночи звонкий девичий смех перемежается с ритмичными ударами мяча на корте и плеском воды в бассейне. Будущие амазонки учатся фехтованию; будущие чемпионки учатся плавать кролем на нижнем этаже „Барбизона“» [38].

У «непотопляемой» Молли Браун были свои стычки с флэпперами, теперь окружившими ее в Нью-Йорке. Как суфражистка эпохи прогресса, «новая женщина» в наименее фривольном смысле слова, Молли Браун, как и прочие ее ровесницы, находила флэпперов невыносимыми. Она именно себя ощущала первопроходцем в области прав женщины, а эти всего лишь наносили последние штрихи – яркие, тут не поспоришь. До Нью-Йорка, перед тем как Молли Браун умчала в Париж изучать актерское мастерство, она публично и недвусмысленно высказалась о новой породе молодых женщин. На вопрос репортера она ответила: «Американские девушки не умеют пить; по ним сразу видно, что они перебрали – либо ко всем пристают с нежностями, либо лезут в драку... нынешние барышни пьют технический спирт, чтобы разогреться перед светским раутом» [39].

Но одна светская барышня такого не потерпела и ответила ей тем же, с явным намеком на то, чем прославилась Молли Браун: «Думаю, у госпожи Браун достаточно дел, чтобы управлять собственной лодкой и не лезть в нашу», поскольку «что до наружности, после пары бокалов никто не красавица. Но у молодых есть преимущество перед старшими. Они все еще свежи и милостивы, да и держатся лучше. А вот пьяные старухи омерзительны». Но Молли Браун, вероятнее

всего, лишь пожала плечами: ей доводилось выслушивать и не такое.

Хотя она была и не лучшего мнения о буйствах флэпперов, но поделаться уже ничего не могла: они были повсюду – не только в номерах «Барбизона». На главных улицах американских городов, на нью-йоркском Бродвее. Основатель новомодного тогда журнала «Нью-Йоркер» Гарольд Росс ужасно хотел заработать на них. Журнал едва начал работать в полную силу, когда очутился на грани банкротства. Гарольду Россу требовалось привлечь постоянного читателя. Прослышав о недавней выпускнице Вассарского колледжа Лоис Лонг, которая вполне могла «оживить» аудиторию, он нанял ее на работу. Ей было двадцать три; уроженка Коннектикута, дочка пастора – так себе родословная для бунтарки-селебрити. Однако именно благодаря, а не вопреки этой родословной Лоис и стала олицетворением архетипа флэппера 1920-х. Ведь типичная представительница флэпперов и происходила из семьи рядовых американцев – в равной, а то и большей степени, чем искушенная жительница мегаполиса, это была юная жительница Уичиты, штат Канзас. Но, живя в Уичите, требовалось научиться стать флэппером; вот тут-то и пригодилась Лоис «Косметичка» Лонг.

Поначалу она писала анонимно, подписываясь лишь «Косметичка». Лоис, не прячась, сновала по Манхэттену: высокая, хорошенькая, с темно-русыми коротко стриженными волосами; в платье излюбленного флэпперами фасона –

одна ниспадающая вертикаль от груди, длиной чуть ниже колен – и с неизменной улыбкой на накрашенных губах. Дерзкая, всегда готовая повеселиться и – как совершенно точно (и неодобрительно) заметила Молли Браун – весьма навеселе (читательниц она убеждала, что заплатить таксисту два лишних доллара, если тебя стошнило в его автомобиле, – всего лишь хороший тон). Лоис Лонг наглядно демонстрировала, как много маргинального двадцатые сделали декадентским и модным у белых американок среднего класса: джаз – из негритянского гетто [40], сексуальные эксперименты – из квартала художников Гринвич-Виллидж, румяна, пудру и тени для век – из чемоданчика проститутки. Теперь среди белых американок среднего класса царили флэпперы – самое известное воплощение «новой женщины» из 1920-х.

С последним ударом часов в полночь 16 января 1920 года в Америке наступил сухой закон. Целью его было уменьшить преступность и скверное поведение; на деле произошло обратное. Манхэттен, где развеселый мэр Джимми Уокер с дородной женой и чередой любовниц-хористок никогда и не верил, что выпивка – преступление, превратился в один сплошной праздник. Спикизи – нелегальные пропитанные спиртным клубы эпохи сухого закона – стали появляться по всей стране, превращая в миллионеров всех молодых и дерзких. Один бутлегер, едва тридцати лет от роду [41], сперва зафрахтовал целую флотилию импортного алкоголя, пробившись через правительственные кордоны в Лонг-Айлен-

де. Разбогатеv буквально за одну ночь, он скоро понял, что можно пойти более простым путем: собрал специалистов, закупил сырье и приобрел рецептуру знаменитого английского джина. И, устроив подземную винокурню прямо под улицами Нью-Йорка, продавал «британский джин», а бармены уверяли, что «лучшего лондонского джина не пробовали». Когда английские производители алкоголя наняли частного детектива, чтобы узнать, отчего это нелегальные поставки джина в Нью-Йорк так внезапно и сильно сократились, они довольно скоро выяснили, что к чему; однако оказалось, что поделаться с этим ничего нельзя: невозможно же преспокойно позвонить в полицию и пожаловаться, что незаконным продажам джина в США угрожает винокурня в подвале посреди Нью-Йорка.

Среди новоиспеченных предпринимателей эпохи сухого закона были и женщины. Одна из самых известных – Белль Ливингстон, актриса и «шоугерл», рассказывавшая, что ее якобы нашли подкидышем на заднем дворе в Эмпории, штат Техас. Она хотела идти в актрисы, но приемный отец, издатель местной газетки, запретил ей разъезжать незамужней.

«Ладно», – сказала она и предложила себя в жены первому же встреченному хорошо одетому господину [42]. Как ни странно, тот согласился; и хотя они почти немедленно зажили каждый своей жизнью, после смерти – что еще более странно – он оставил ей огромную сумму в сто пятьдесят тысяч долларов. Забрав деньги, Белль села на пароход

через Атлантику, и, согласно мемуарам, тридцать лет «за ее здоровье пила вся Европа». Вернувшись в Америку в 1927 году, в разгар сухого закона и строительства «Барбизона», уже пятидесятилетняя, дородная и коренастая, Белль почувствовала новые возможности. Свои нелегальные питейные заведения она назвала «салонами», будто сборища парижских интеллектуалов. И играла в кошки-мышки с агентами ФБР, которые частенько являлись к ней в салон под прикрытием, а после волокли в суд; репортеры и читающая публика ждали этих заседаний и жадно ловили каждое слово – свое возмущение Белль выражала весьма красочно. Один из ее нелегальных кабачков [43], «Кантри клуб», частенько посещаемый представителями высшего общества и бродвейской богемы, взимал немаленькую плату за вход – пять долларов. Но, очутившись внутри, посетители попадали в роскошную залу, напоминавшую Сады Версаля, или шли наверх играть в пинг-понг или мини-гольф. Единственным условием было все время покупать порцию алкоголя ценой в один доллар.

А еще была Джанет Французская [44]. Подлинная француженка, она зарабатывала на жизнь, участвуя в нью-йоркских водевилях и музыкальных комедиях до тех пор, пока работы не стало, а на ее счету не числилось двадцать девять долларов. Размышляя о невеселом будущем, Джанет решила прогуляться по 52-й улице и вдруг заметила «старый-старый дом, затесавшийся между гаражными строениями». Он сдавался внаем, и, заняв сотню баксов, Джанет установила там

простую деревянную стойку, повесила дешевые занавески и поставила несколько столиков и стульев. В первую неделю кроме контрабандного виски, бренди и ржаной водки в меню значился только луковый суп. Спиртное оказалось немудреным, но суп – отменным. И привлек столько клиентов, что вскоре Джанет сняла еще два этажа ветхого дома. Добавив к главному блюду, «тому самому» луковому супу, пару дешевых ужинов, она стала подавать красные вина «как во Франции». Вскоре в заведение зачастили знаменитости вроде кинозвезд Марлен Дитрих, Дугласа Фэрбенкса и Лайонела Барримора. Джанет Французская хвалилась, что знаменитый ирландский драматург Бернард Шоу ходил исключительно в ее заведение, в доказательство чего у нее всегда была подписанная автором книга.

Бывшая хористка Тексас Гуинан – еще одна звезда на небосклоне эры сухого закона. Именно она придумала негласный слоган эпохи: «Привет, сосунок!» (Таким возгласом она приветствовала каждого, кто заходил в ее заведение, после чего следовало: «Давай, заходи и оставь в баре всю свою наличность!») Тексас уже была звездой сцены и экрана – как сама утверждала. И нелегальные заведения – спикизи – привлекали ее тем, что там щедро платили за пение. Скоро она открыла собственный кабачок, «Клуб 300», который посетил сам принц Уэльский. На сцене разыгрывалось представление – свадьба известной американской актрисы и ее любовника, разбитного аргентинского танцора.

Хотя сами обитательницы «Барбизона» не открывали питейных заведений, они частенько туда ходили – как обозреватель «Нью-Йоркера» Лоис «Косметичка» Лонг и прочие молодые женщины 1920-х. Впервые в истории Америки женщинам предложили «пододвинуть табуретку к барной стойке». Надпись над входной дверью «Леона и Эдди» на Западной 52-й улице гласила: «Тут самый высокий градус красивейших девушек мира» [45]. Любительниц нью-йоркской светской жизни особенно активно призывали занимать места у бара и налегать на импортный алкоголь, купленный у нелегальных торговцев на побережье Лонг-Айленда. Сама Лоис предпочитала коньяк, узнав, что его труднее всего подделать и, соответственно, испортить. Пусть другие пьют продукцию подземных винокурен Нью-Йорка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.